

Курбанова М.А., Назарбек кызы С.

**АДАМДЫН АР-НАМЫСЫН ЭРӨӨЛДӨ
КОРГООНУН XIX-XX КЫЛЫМДАР ЧЕГИНДЕГИ
ОРУС АДАБИЯТЫНДА БЕРИЛИШИ**

Курбанова М.А., Назарбек кызы С.

**ЗАЩИТА ЧЕСТИ ЧЕЛОВЕКА НА ДУЭЛЯХ В РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ РУБЕЖА XIX-XX ВЕКОВ**

M.A. Kurbanova, Nazarbek kyzy S.

**PROTECTION OF HONOR OF THE
PERSON ON DUELS IN THE RUSSIAN LITERATURE
OF THE XIX–XXth CENTURY**

УДК: 537.86.535.578

Макалa XIX-XX кылымдар чегиндеги орус адабиятында чыр-чатактар маселесин жана анын эрөөлдө чечилишин иликтөөгө арналган. Эрөөлдөр XIX кылымдагы орус адабиятынын тарых барактарынын кызыктуу окуялары болуп саналат. Адабияттын бул тарыхый окуяларына карата окурмандардын кеңири чөйрөсүнүн кызыгып келет. Макалада орускоомдук турмушунун ар кандай өнүгүү этаптары жана андагы эрөөлдүн ролу XIX-XX кылымдардагы орус жазуучуларынын чыгармаларынын мисалында иликтенген. XIX-XX кылымдар чегинде Россия өзүнчө бир "эрөөлренессанын", баштаган өткөргөн, мунун себептерине макалда кеңири анализ берилген. Ошондой эле макалада сынчылардын коомдук өнүгүүнүн түрдүү этаптарындагы эрөөлдүн табиятына болгон пикирлери каралып, анализденген. Ошондой эле макалада орустун алдыңкы дворян коомунун турмушундагы эрөөлдүн мааниси жана ролу, ошол мезгилдеги орус жазуучулары менен акындарынын чыгармалары аркылуу адабиятта эрөөлдүн чыгылдырылышы көрсөтүлгөн.

Негизги сөздөр: эрөөл, адабият, маданият, поэтикалык, эрөөл кодекси, сын, аристократизм, прогресс, либерализм, дворяндык, социалдык.

Статья посвящена изучению проблемы конфликта и его разрешения на дуэлях в русской литературе XIX-XX веков. Дуэли – это одна из специфических интересных страниц истории русской культуры XIX века, которые вызывают огромный интерес широкого круга читателей. В статье прослеживается роль дуэли в жизни русского общества на разных этапах его развития на примерах произведений русских писателей XIX-XX веков. На рубеже XIX-XX веков Россия переживает своего рода «дуэльный ренессанс». Дуэльная лихорадка, захватившая определенную часть русской литературной интеллигенции, весьма часто носила, говоря современным языком, характер «пиара». О причинах всего этого в статье дается подробное толкование и тщательный анализ. Также в статье рассматривается и анализируется мнение критиков на природу поединка в разные периоды развития общества, как она отразилась на русской литературе и какую значимость дуэль приобретала в жизни передового дворянства в произведениях поэтов и писателей того периода.

Ключевые слова: дуэль, литература, культура, поэтика, дуэльный кодекс, критика, аристократизм, прогресс, либерализм, дворянство, социальный.

The article deals with the study of the problem of conflict and its resolution on duels in Russian literature of the XIX-XX centuries. Duelling is one of the specific interesting page in the history of Russian culture in the XIX century, which appeals great interest of wide range readers. In this article is followed the role of duel in the life of Russian society at the different stages of its development, as an instance of Russian writers composition in the XIX-XX centuries. In the abroad of XIX-XX centuries Russia goes through "duel Renaissance", about the reasons which article gives an analysis in detail. Also, this article is considered and analyzed the opinion of critics about duel at the different periods of developed society, as well as it reflects to literature and the value of duel which obtains in the life of progressive nobility in composition of Russian writers of that period. Duel fever, which captured a certain part of the Russian literary intellectuals, quite often carried, as it said in modern language, the character of "PR".

Key words: duel, literature, culture, poetic, dueling code, criticism, aristocracy, progress, liberalism, nobility, social.

Рубеж XIX и начало XX века для русской культуры стали временем труднейших испытаний. Печальную песню уходящей дворянской культуре спели Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, М.Салтыков-Щедрин. Элегически эта тема звучала в прозе И.А. Бунина, А.И. Куприна. А.П. Чехов своими творениями говорил современникам: «Так дальше жить невозможно!» Пророчески А.А. Блок о наступающем XX веке говорил: «Еще бездонней, еще страшнее жизни мгла...» Многие понимали, что Россию ожидают «неслыханные перемены, невиданные мятежи». На смену дворянству шла разночинная интеллигенция, свои права стала предъявлять пролетарская культура. Эти социальные силы были носителями иной этики, других нравственных ценностей и ритуалов. Поединок становится явлением настолько редким, что он, в основном, стал бытовать в военной среде.

Однако на рубеже XIX-XX вв Россия переживает своего рода «дуэльный ренессанс», о причинах которого имеет смысл говорить. Вышла книга А. Кобринского «Дуэльные истории серебряного века» (2007). Этот исследователь «возрождение» дуэльных историй справедливо связывает с указом 1894 года, фактически легализовавшим поединки в офицерской

среде. Вновь дуэли получили в начале XX века распространение даже среди штатских, в том числе и в российском парламенте. Огласку получили дуэльные истории октябриста А.И. Гучкова и «беспартийного» графа А.А. Уварова. Конфликты были и у представителей партии кадетов. Во время подготовки закона о поединках депутат В.Д. Набоков вызвал на дуэль М.А. Суворина, опубликовавшего о нем оскорбительную статью.

Русские журналы и газеты бурно обсуждали книги А. Драгомирова «Дуэли» (Киев, 1900), Л. Киреева «Письма о поединках» (СПб: 1899), М. Махова «Дуэль, ее происхождение и современный характер» (СПб: 1902), Н. Фалеева «Дуэли» (СПб: 1904). Даже В.Г. Короленко откликнулся на все эти события статьей «Русская дуэль в последние годы» (1897). Он приводил высказывание из газеты «Новое время»: «Быть может, дуэль и является сама по себе уродливым способом восстановления чести, но способ этот признается в современном обществе» (ПСС. т. IV. С. 262). Но вместе с тем раздавались и такие голоса, как: «Пистолет или шпага, употребляемые на дуэли, в существе дела не выше кулака или палки, употребляемых в обыкновенной драке» (А.М. Иванов. Слова и речи. М.: 1894). Понимание «уродливой» сути дуэльных поединков нашло своеобразное отражение в текстах русской литературы второй половины XIX и начала XX веков. Всё чаще русские писатели дуэль рисуют как явление этически противоречивое («Война и мир» Л. Толстого, «Отцы и дети» И. Тургенева), водевильное («Медведь» А. Чехова), пародийное («Поединок» А. Куприна) и т.п.

Дуэльная лихорадка, захватившая определенную часть русской литературной интеллигенции, весьма часто носила, говоря современным языком, характер «пиара». Нашумевшая история столкновения *Н. Гумилева* и *М. Волошина* была явно «стилизаторской». Ведь поэты принадлежали к поэтической группировке «Аполлон» и они следовали «стилизаторской» эстетике данной школы. Виновница поединка – Елизавета Дмитриева (Черубина де Габриак) – была натурой экзальтированной, отличалась неадекватным поведением. Ее «покровитель» Волошин был оскорблен за свою «любимицу» и встал на защиту «чести» Черубины де Габриак, которая в этой истории себя явно «пиарила». Вот почему и лица, вовлеченные в поединок – Гумилев и Волошин, – многими воспринимались как участники некоего театрального «действия». Ведь Волошин был принципиальный пацифист, оружия в руке не держал, но он выступил в роли оскорбителя, инициатора поединка против офицера Гумилева. Многие отмечали, что противники встретились почти на том же месте, где стрелялся Пушкин с Дантесом, были при них «пистолеты пушкинской поры». Свидетели отмечали отклонения от дуэльного кодекса и дуэльных традиций, допущенных двумя поэтами и их секундантами (М. Кузьмин, А. Толстой). Вот почему газетчики иронически писали о поединке: «Граждане

великой республики слова – правда, маленькие, незаметные граждане, берут на себя чужие роли, наряжаются в доспехи чужих варварских племен и смело идут на всеобщее посмешище» (Андрей Колосов).

В эти годы произошли столкновения и вызовы на дуэль среди многих поэтов и писателей серебряного века (В. Брюсов, А. Блок, А. Белый, О. Мандельштам, Б. Пастернак, В. Хлебников, М. Кузьмин, В. Шершеневич, Эллис (Кобылянский) и др. По словам исследователя проблемы А. Кобринского, многие из них в прямом смысле слова «разыгрывали» дуэльные спектакли» (правда, обычно не до конца, так как выстрелов удавалось избегать!). История, когда М. Кузьмин отказался от поединка с пасынком Вяч. Иванова Шварсаломом, стала редким и весьма скандальным эпизодом. Но у Михаила Кузьмина был свой резон: дуэльный кодекс запрещал поединки между дворянами и разночинцами. Не помогло даже то, что Шварсалон публично нанес пощечину Кузьмину. По кодексу человек побитый должен был «либо покинуть всякое приличное общество, выйти в отставку, уехать из города, либо смыть оскорбление кровью». Однако «избитый» Кузьмин, утерев кровь с лица, как ни в чем не бывало уехал веселиться в кафе «Бродячая собака». Другими словами, долг чести и обычаи в начале XX века уже не требовали, как в пушкинскую эпоху, дуэли даже при серьезнейших оскорблениях – по крайней мере, в штатской среде. Вместе с тем люди искусства и иные представители культурной элиты с готовностью прибегали к этому способу защиты своего достоинства, по крайней мере, эффектно демонстрировали подобную готовность.

Подобная коллизия с поединками стала проявляться уже в начале второй половины XIX века, о чем говорят дуэльные эпизоды книг **Л.Н. Толстого («Война и мир», «Брестер»), И.С. Тургенева («Отцы и дети»)**. Уже здесь герои, участники поединка относятся к этому «действию» несколько снисходительно, как игре. В первых главах второго тома романа **«Война и мир» Толстого** Пьер Безухов предстает личностью крайне пассивной. «Проповедник» борьбы за всеобщий мир, Пьер из анонимного письма узнает, что его жена Элен изменяет ему с офицером Долоховым. Авторы анонимного письма подло намекали, что Безухов «плохо видит сквозь свои очки» тайну между его женой и Долоховым. Последний «известный бретер и повеса». Психологически точно Толстой говорит о «наглых глазах» Долохова, о том, что в душе Пьера зарождалось «безобразное» чувство ненависти к сопернику. Да и ведут себя Долохов и его окружение непристойно. На обеде, данном графом Ильей Андреевичем Ростовым, происходит конфликт. «Вы... вы... негодяй! Я вас вызываю, – проговорил Пьер. Так он окончательно решил вопрос о виновности жены.

Л.Н. Толстой затем рассказывает, что секундантом Долохова был выбран Николай Ростов, а у Пьера – Несвицкий. Противник Безухова весьма спокоен. О будущем поединке своему секунданту Долохов

говорит: «Ежели ты идешь на дуэль и пишешь завещания да нежные письма родителям, ежели ты думаешь о том, что тебя могут убить, ты - дурак и наверно пропал; а ты иди с твердым намерением его убить, как можно поскорее и повернее, тогда все исправно...»

Примечательно, что и Безухов перед дуэлью спал плохо. Он думал: «К чему же эта дуэль, это убийство? Или я убью его, или он попадет мне в голову, в локоть, в коленку. Уйти отсюда, бежать, зарыться куда-нибудь...» Его секундант Несвицкий также хорошо понимает незначительность повода для поединка. Он говорит Пьеру: «дело не имеет достаточно причин и не стоит того, чтобы проливать за него кровь... Вы были неправы, вы погорячились...» «Ах, да, ужасно глупо...», – сказал Пьер. Вот отношение автора и героя романа к подобным поединкам («ужасно глупо»). Но что сделаешь с нравами общества, «давлением» среды. И Пьер Безухов участвует в дуэли, стреляет и ранит Долохова. Этот офицер также считает, что все это: «Глупо... глупо! Смерть... ложь». С удивлением его товарищ, гусар Николай Ростов узнает, что у этого «буяна, бретера Долохова» только одна старушка-мать и горбатая сестра и был он для них «самый нежный сын и брат». «Бретер» Долохов глубоко опечален тем, что известие о ранении может убить старушку-мать («Она не перенесет этого»), В письме к М.П. Погодину Толстой писал, что его в эту пору глубоко волновал вопрос о «границах свободы и зависимости человеческой личности» от окружающей среды.

Критики и читатели высказывали взаимоисключающие оценки о романе Льва Толстого. Даже И.С. Тургенев считал, что «роман Толстого плох», «вторая часть слаба», «где тут черты эпохи?» (Письма И.С. Тургенева). Но И.А. Гончаров думал иначе: «Граф «Войной и миром» сделался настоящим львом литературы» (Письма). В.П. Боткин писал: «Успех романа Толстого действительно необыкновенный» (Письма).

В романе И.С. Тургенева «Отцы и дети» (1862) дуэль между дворянским аристократом Павлом Петровичем Кирсановым и разночинцем Евгением Базаровым также происходит с явным нарушением кодекса о поединках. Ведь П.П. Кирсанов - русский аристократ, считающий, что дворяне самый просвещенный, уважаемый класс в России. Он убежденный враг нового поколения. Он не приемлет их нравственных принципов, образа жизни. Они, как он презрительно говорит, «нигилисты», то есть все отрицающие люди. Базарова он презрительно называет «кто сей волосатый?» Наперекор «нигилистам» Павел Кирсанов одевается щегольски, в темный английский костюм, модный галстук. Между аристократом Кирсановым и разночинцем Базаровым идут долгие споры, каждый отстаивает свою точку зрения о России, русском народе, о старом и новом поколениях («Отцы и дети»).

Павел Петрович угрожающе говорит: «Я так

скоро не сдамся. У нас еще будет схватка с лекарем...» Дворянин Павел Петрович полагает: «Без чувства собственного достоинства, без уважения к самому себе - а в аристократе эти чувства развиты - нет никакого прочного основания общественному зданию». Но Базаров думает об этом иначе: «Аристократизм, либерализм, прогресс, принципы, подумаешь, сколько иностранных ... и бесполезных слов! Русскому человеку они даром не нужны...» Базаров в этом споре о дворянах презрительно отзывается так: «Дрян, аристократишка». Уязвленный Павел Петрович находит «повод» (эпизод с Фенечкой) и вызывает Евгения Базарова на дуэль.

Разночинец Базаров дуэль считает *дворянской нелепостью*, но отказаться от поединка он не может. Павел Кирсанов сознательно оскорбляет его, говоря, что он «здесь лишний». «Я вас терпеть не могу, я вас презираю», - говорит аристократ. Евгений принимает вызов. Во время поединка Базаров держится, как обычно, спокойно и насмешливо. Павел Петрович ведет себя важно, с мрачной торжественностью. Дуэль для него - один из священных дворянских «принципов». Но и здесь аристократ терпит поражение. Базаров к поединкам относится иронически, как к чему-то архаическому, но он не позволяет аристократу унижать свое человеческое достоинство и поэтому принимает вызов Павла Петровича. Для него человека практичного, все эти принципы, дуэли это «барская забава».

Разночинец ожесточенно думает, что спекулируя этими «принципами» дворяне бездельничают, считая себя достойными людьми. Павлу Кирсанову он сердито говорит: «Вот вы уважаете себя и сидите сложа руки». Сам он «человек дела», постоянно занят опытами. Безделье аристократов его выводит из равновесия. «Барчуки проклятые!» - думает он в сердцах. По убеждению медика Базарова сейчас русскому обществу «нужны дела, а не вздохи и длинные речи». Отсюда, его неприятие дуэлей.

Новое слово о дуэлях сказал и **А.П. Чехов** в своих произведениях «Медведь» (1888), «Дуэль» (1891) и др. Пьеса «Медведь» выдержана явно в русско-водевильной поэтики. Маленькая одноактная пьеса-шутка водевильного сюжета рассказывала о дуэли между молодой вдовушкой и помещицей Еленой Ивановной Поповой и помещиком, дуэлянтом

Григорием Степановичем Смирновым. Помещик приехал к вдовушке, у которой горе (уже семь месяцев как умер муж), и которая никуда не ходит, никого не принимает, и которая обещает «до самой могилы не снимать траура по мужу», за деньгами. Муж Елены Ивановны задолжал Смирнов «за овес» тысячу двести рублей денег. Вдова, у которой необыкновенные «ямочки на щеках», отказывается выдать деньги, их у нее пока нет...

Во время диалога Смирнова с Поповой они сказали много оскорбительного и обидного друг другу. Возмущенная Попова, считающая что она может любить и любит своего умершего мужа (он, кстати,

изменял ей!), называет бывшего дуэлиста «нахалом», «бурбоном», «медведем». Оскорбленный Смирнов вызывает Попову на дуэль: «К барьеру! Я никому не позволю оскорблять себя и не посмотрю на то, что вы женщина, слабое создание!» Он твердо убежден: это предрассудок, что только мужчины обязаны платить за оскорбления! («Равноправность так равноправность!»). Дама принимает вызов с упоением говорит: «Черт вас возьми... влеплю пулю в медный ваш лоб».

В ходе подготовки к поединку бывшему поручику приходится «учить» даму с необыкновенными «ямочками» дуэльным «тонкостям». Пьеса заканчивается взаимным поцелуем. В финале Смирнов, «бретер и дуэлист», вынужден признать: «Вот это женщина! Удивительная женщина! Даже жалко убивать! В первый раз в жизни такую вижу...»

Хотя некоторые критики возмущались «придуманностью» сюжета (это вопиющая невозможность, вызов женщины на дуэль?!), но водевильное решение дуэльной темы между безутешной вдовицей и буйным помещиком (бывшим поручиком), пришлось многим по вкусу. «Биржевая газета» писала, что это «чрезвычайно ловко написанная вещица». «Русский курьер» отмечал: «Маленькая одноактная шутка г. Чехова - хорошенькая, грациозная вещица».

Поэтому водевиль имел большой успех, пьеса ставилась во многих театрах уже при жизни автора (Театр Корша, Александринский театр, Русский драмтеатр в Москве, на сцене театров Киева, Харькова, Казани, Тифлиса, Томска, Полтавы, Ярославля, Костромы и др.). Газета «Новости дня» отмечала хорошую игру актеров из театра Корша, писала, что новая пьеса Чехова «прошла очень бойко».

Несколько иначе тема поединка осмыслиется в повести «Дуэль» А.П. Чехова, в которой дуэль значима не сама по себе, а как удобный мотив для реминисценций в текстах классики (Шекспир, Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Толстой и др.). Неспроста действие в повести происходит на Кавказе. В городке у моря герой-интеллигент Лаевский живет с женщиной, которую он увел от мужа. Многие смотрят на Надежду Федоровну как на падшую женщину. Тем более, так как Лаевский пристыл к ней, он тяготится ею, своим положением никому не нужного человека, мечтает вернуться в Россию, она со скуки заводит с мужчинами интрижки. Лаевскому Кавказ кажется колодецем, на дне которого томятся приговоренные к смерти. В центре внимания писателя – нравственный поединок двух героев. Один из них, Лаевский, погружен в самоанализ и представляет себя вторым Гамлетом, «лишним человеком», стремясь придать тем самым большее значение своим чувствам и переживаниям. Лаевский, его слова, его поведение возбуждают жгучую ненависть в зоологе фон Карене, который считает, что таких людей, как Лаевский, с его праздностью, безответственностью, бесхребетностью, надо уничтожить или, по крайней мере, держать в строгой изоляции, ссылке, даже в

кандалах. Напряженные отношения завершились тем, что в состоянии аффекта Лаевский, призывающий окружающих, чтобы они «уважали личность», вызывает фон Карена на дуэль. Он понимает, что «дуэль вообще глупа и бестолкова, так как она не решает вопроса, а только осложняет его». Однако и сам Лаевский и фон Карен уже, зная друг друга, полагают, что «дуэль ничем не кончится». Так оно и произошло. Вот этот акцент, что «дуэль глупа и бестолкова» и отличает чеховскую прозу от текстов Пушкина, Лермонтова.

Дуэль Лаевского и фон Карена началась раньше, чем они решили взять в руки пистолеты, и закончилась позже, чем завершился поединок. Лаевский слаб, безволен, но он прав, осуждая бесчеловечность фон Карена. «Мы для него только рабы, мясо для пушек, вьючные животные», - говорит Лаевский. Слова фон Карена об уничтожении «хилых и негодных» человеческих особей для сохранения «культуры» воспринимаются современным читателем особенно остро. Чехов вроде бы опровергает философию фон Карена, показывая, как в конце повести Лаевский под влиянием тяжелых нравственных потрясений начал борьбу за иное, достойное человеку существование.

Впрочем, эта сложная вещь Чехова всегда вызвала весьма различные оценки. Как всякое сложное философское произведение, оно претендует и на различные «прочтения», в том числе и в отношении дуэльной истории. Ведь повесть писалась очень трудно, с большими перерывами (она была начата еще до поездки в Сахалин, а завершена после возвращения из далекого путешествия). Осенью 1891 года он записал в дневниках: «Наконец, окончена «Дуэль», длинный утомительный рассказ». Это одно из самых «литературных» произведений Чехова, так как его персонажи постоянно сопоставляют себя с литературными героями прошлого. Лаевский, фон Карен, дьякон вспоминают Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Толстого, Лескова, Байрона, Шиллера. Сам автор эпиграфом к одной из глав берет строки Пушкина. Использование в повести традиционных для русской классики тем и коллизий (Кавказ, дуэль и др.) отмечалось исследователями (В.Я. Линков, М.Л. Семанова, Т. И. Орнатская и др.). А.П. Чехов очень внимательно следил за спорами о дуэльном кодексе в русской периодике (21, 22). Именно это и вызывало разноречивые отклики о книге.

Диапазон оценок литературной критикой был весьма широк, от самых сердитых и до откровенно хвалебных. А. Амфитеатров назвал повесть «самым слабым и неудачным» произведением Чехова (Каспий, 1892, №15). Отрицательно оценил повесть и критик М. Южный (Гражданин, 1892, №21), подчеркивая, что эта вещь пахнет литературным донкихотством. Но были и другие отзывы. Одной из больших удач называл «Дуэль» критик А.Волынский (Северный вестник, 1892, №1). П. Перцов признавал чеховское творение самой лучшей повестью Чехова:

«В этой повести психологический анализ достигает прямо толстовской высоты и силы» (Русское богатство, 1893, №1).

Столь же противоречиво критика оценивала главных героев книги-Лаевского, фон Карена, Надежду Федоровну, Самойленко. Многие критики слишком прямолинейно восприняли признание Лаевского, что он «лишний человек», «неудачник». Фон Карен иронизирует по поводу того, что Лаевский почитает Онегина и Печорина как «своих отцов по плоти и духу». Амфитеатров называл его прямым потомком старых гамлетов. М. Меншиков писал: «Начиная с «Онегина, Печорина, Обломова и целым рядом «лишних людей», рефлексиков и гамлетиков, литература давала портреты обезволенной интеллигенции... Молодые беллетристы продолжают рисовать те же типы» (Книжка недели. 1893, №1). М.Гольдштейн назвал Лаевского - Рудиным наших дней («Это банкротство целого типа»). А. Волынский видел в Лаевском типического представителя своего времени.

Его антипода - фон Карена - критика также оценивала по-разному, Многие его называли «жертвой безвременья». Некоторые оценщики не поняли природы конфликта книги. Критик М. Южный писал: «Посмотрите отношения этих лиц между собою. Лаевский пьет вино и играет в винт, сожительница его поминутно «падает» с каждым встречным и поперечным, а зоолог шипит и злобствует на весь мир». «Ясно, что никакой драмы между такими лицами быть не может», - писал Южный. Дуэль, по убеждению этого критика, состоялась «без всякой видимой причины». Критик «Северного вестника» указывал, что «Дуэль» это произведение, выходящее из обычного шаблона. Много нареканий было о финале повести. А. Плещеев указывал: «Мне совершенно не ясен конец ее, чем мотивируется внезапная перемена в отношениях всех действующих лиц» (Слов. 1893, №2). «Перерождением» Лаевского были недовольны критики и писатели И.Ясинский А. Волынский, М. Липовский и др.

Современное литературоведение (Т. Орнадская. Л. Звонникова) дает такую трактовку этой перемене, что в дуэльной повести Чехов показывает «перерождение» человека, ужас человека, оказавшегося на краю пропасти. Да, герои Лаевский и фон Карен «точно сговорившись» ведут друг с другом, на протяжении всей книги «жестокый бой», затем примиряются.

В «боях» Лаевского и фон Корена явно различимы отзвуки спора двух поколений русской интеллигенции - тех, кто ориентировался на «модель романтического поведения», и пришедших им на смену людей «Реального направления». Однако писатель делает своих героев людьми одного поколения и даже одного круга, ибо ему важно показать, что роль поединка не в различии их ориентаций, а в близости из заблуждений. Воюют же не знания, не поэзия с анатомией, а *заблуждения*.

Лаевский «не понимает», что он болен. А у него тот же онегинский *сплин*.

С точностью врача Чехов от главы к главе отмечает, как прогрессирует его заболевание. Лаевский «чувствовал себя разбитым и вялым»; он признается доктору: «Скверно себя чувствую. В голове пусто, замирания сердца, слабость какая-то...»; «сонливое, угнетенное состояние...»; «сильно стучало сердце» и т.д. Болезнь обостряется жарой, дурным питанием, беспорядочным образом жизни и перед грозой завершается приступом, после которого в состоянии Лаевского наступает резкое ухудшение. Перед дуэлью, утром, дьякон не узнает походки Лаевского: «будто старик», у него «дрожат руки», он будто «пьяный или тифозный». Вечером он узнал, что Надежда Федоровна была с другим мужчиной. Но он чувствует себя перед ней виноватым. Это он сделал так, что ее не принимают в «хорошие дома».

Николай Васильевич фон Корен, будучи, казалось бы, антиподом Лаевского, сближается с ним, ибо также подвержен заблуждениям. Заботящийся о душах всего городка, он глух в душе собственной. И если Лаевский - раб своего тела, то зоолог - раб своего характера. Сильный темперамент и болезненное самолюбие делают его характер злосчастным. В основе отношения фон Корена к Лаевскому лежат сложные чувства, среди которых на первое место, возможно, следует поставить зависть - зависть к успеху Лаевского в обществе, и прежде всего его аристократизму. Ревность Лаевского и связанное с нею раздражение зоолог в силу подозрительности, превратно истолковывает как пренебрежение аристократа к его, фон Корена, низкому происхождению. Именно поэтому его оскорбляет даже великодушный порыв Лаевского на дуэли: он «молчал», пока мириться предлагали секунданты, и «обиделся» тотчас же, как Лаевский произнес: «готов извиниться...». В свою очередь фон Корен стремится *унизить* противника.

Образ дуэли многозначен. Это и рациональная схема (герои неоднократно вспоминают то дуэль Печорина и Грушницкого, то Базарова), и атмосфера общественной жизни русской интеллигенции («скверная болезнь»), и испытание героев на человечность.

Поведение Лаевского на дуэли выглядит необычайно человеческим: оказавшись у барьера и испытывая личную неприязнь к противнику (накануне при одном воспоминании о зоологе «тяжелая ненависть» ворочалась в его груди»), он находит в себе мужество не только отказаться от выстрела, но и делает все, чтобы «пуля как-нибудь невзначай не попала в фон Корена», рискуя даже показаться неделикатным и невеликодушным и даже смешным. Проявляет дуэль и человеческую сущность дьякона. Отправляясь на нее с тем, чтобы потом «со смехом... рассказывать... все подробности дуэли», дьякон *не смог*, в отличие от всех остальных участников ее, молча смотреть на «это убийство... среди бела дня». И так же,

как и Лаевский, рискуя карьерой, предпочел остаться человеком. Совершенно неожиданно дуэль обнаруживает человечность в таком эпизодическом персонаже, как Шешковский. Он подавляет свое самолюбие и несколько раз пытается остановить убийство. Правда, в конце концов и он уступает ненависти фон Корена, но автор покажет, во что обошлась ему эта уступка: «Тотчас же раздался выстрел. Увидев, что Лаевский стоит на месте, а не упал... Шешковский засмеялся от радости, заплакал и отошел в сторону...».

Толчком к нравственному перевороту Лаевского становится дуэль, но подготавливался он в течение всей повести. В отличие от Самойленка, который «очень нравился себе самому», и фон Корена, также «очень довольного и своим лицом, и красиво подстриженной бородкой, и широкими плечами», Лаевский откровенно признается, что «перед ненавистью фон Корена» он «робко гнет спину, потому что временами *сам ненавидит и презирает себя*». О том, что это недовольство собой не очередная поза Лаевского, говорят и наблюдения пронизательного дьякона: «...Лаевский шалый, распушенный, странный, но... он первый *страдает* от своих недостатков...». Ночью у Самойленка, расправившись со своими близкими, он тут же раскаивается в содеянном: «Я пустой, ничтожный, падший человек!..» Это покаяние «очищает» и «просветляет» его: «...мне кажется, - говорит он, - что я давно уже не переживал таких *светлых, чистых*, минут...».

Предстоящая дуэль и возможная смерть заставляют Лаевского впервые задуматься не о жизни человечества вообще, но о жизни конкретной - о своей собственной и Надежды Федоровны. И оказалось, что «бога у него нет, все доверчивые девочки, каких он знал когда-либо, уже сгублены им и его сверстниками, в родном саду он за всю жизнь не посадил ни одного деревца и не вырастил ни одной травки, а живя среди живых, не спас ни одной мухи, а только разрушал, губил и лгал, лгал...». Здесь, в этом отчаянии Лаевского, и лежит начало работы его сознания.

Рождение *сознания* дается в повести как *рождение человека*. После дуэли Лаевский, «как выпущенный из тюрьмы или больницы, всматривался в давно знакомые предметы и удивлялся, что столы, окна, стулья, свет и море возбуждают в нем живую, детскую радость, какой он давно-давно уже не испытывал». Перед нами точно воссозданный образ заново рожденного: «удивлялся», «живая, детская радость». Акт рождения сопровождается космическими (гроза) и социальными (дуэль) катаклизмами. Воедино сплетаются библейские и социальные мотивы – ночная тьма, сильный ветер, огонь, гром, вода и выстрелы. Пушкинское «Воспоминание», предпосланное этому акту, выявляет главную мысль его – «вначале было слово». Роль *слова* в повести огромна. Слово рождает человека. И оно *же угрожает* ему. Слово – ненависть может «раздавить», как поезд; им можно

зарезать. Лаевский чувствовал «точно ржавчину на теле от только что испытанной чужой ненависти»; им можно убить: анонимные записки провоцируют обострение болезни Лаевского, а тот на следующий день, почти в беспамятстве, бросая словами-камнями налево (Самойленку – «сыщик», «шпион») и направо (фон Корену – «немецкие выходцы»), провоцирует дуэль.

В качестве антитезы этому «отречению друг от друга» звучит в повести пушкинское слово. Оно звучит и в голосах героев, и в авторском голосе. Чехову важны, говоря словами Достоевского, пушкинская «способность всемирной отзывчивости» и пушкинская «всечеловечность» как характернейшая особенность его гения. Чехову важна готовность признать чужое сознание как нечто равноправное его собственному. Лучших своих героев он наделяет этим светлым свойством личности поэта.

Конец повести был многим непонятен. После дуэли Лаевский стремится освободиться от «поклонения чужим мыслям», «от силы и лжи». Сила духа Лаевского побеждает силу его природы - он преодолевает эгоизм и болезнь усталости, апатии. У него появляется надежда. Он думает: «Страдания, ошибки и скука жизни бросают людей назад, но жажда правды и упрямая воля гонят вперед и вперед! И кто знает! Быть может, доплывут до настоящей правды...» Вся повесть рассказывала о том, как и почему распадаются связи меж людьми, а последняя намечает путь восстановления этих связей. Мотивы повести в финале звучат иначе, чем прежде. Герои снова, как когда-то на пикнике, собраны вместе, но теперь в их отношениях произошли разительные перемены. Прежде они давили друг друга своей ненавистью, а теперь они связаны интимными жестами дружбы («обнял», «перекрестил», «пожимал руку»). Фон Карен сам, не дожидаясь, молча ему (Лаевскому) руку протянул.

Перед дуэлью герою впервые «стало жутко». И человек задумался о жизни, о себе, об окружающих людях, о собственной греховности, о наказании. Ведь не только об этих вещах задумался Лаевский, фон Карен, но и Надежда Федоровна. Уж она - то жила всегда в радостном ощущении, что в жизни все еще впереди. Даже дьякон, который несмотря на сан, пришел посмотреть из-за кустов на дуэль, здесь понял, что жизнь - это не театр, впен все происходит всерьез и однажды. И он не зритель, а соучастник «убийства среди бела дня». И тогда - «послышался вдруг отчаянный крик дьякона и пуля прошла мимо пели. Дьякон тоже прозрел к новой жизни. Фон Карен перед отъездом приходит попрощаться в Лаевскому, он желает им «всего хорошего».

Повесть о дуэли А.П. Чехова - это необыкновенное повествование о том, как люди приобретают желание «понять друг друга». Это произведение еще раз явственно показало изменение русского общества к дуэлям, как явлению прошлой (уходящей) культуры. Многозначительна фраза одного из героев:

«Дуэль будет пустякова, бескровная, смешная».

А.И. Куприн в «Поединке» (1905) через гибель поручика Ромашова на дуэли реалистически показал истинную цену офицерской чести. Писатель рисует тусклый, серый быт офицерства, притупляющую скуку гарнизонной жизни. Сослуживец Ромашова Назанский говорит о двуголовом чудовище, «которое унижает мое уважение к своей личности».

Современная литературная наука особое внимание уделяет проблеме исследования человеческой личности. В этом плане незаменимыми приобретя на рубеже XIX-XX веков «водевильно-стилизационный» характер.

Таким образом, русская литература рубежа XIX-начала XX века в яркой художественной форме запечатлела смену парадигм в обрисовке дуэлей, когда поединки большей частью становились только формой стилизации, пародирования, реминисценций. Тем не менее, дуэльная тема обогатила русскую литературу новыми конфликтами, героями. Одновременно русские писатели органично запечатлели эволюцию дуэльного кодекса, когда поединки были одной из форм защиты человеческой чести, достоинства.

Литература:

1. Абрамович-Барановский С. Поединок (дуэль) / Энциклопедический словарь. Бр. Гранат и Эфрон. Т. XXIV. - С. 143.
2. Аринштейн Л.М., Мануйлов В.А. Дуэль Лермонтова с Мартыновым / Лермонтовская энциклопедия. - М.: СЭ, 1981. - С. 150-154.
3. Беляев Н.В. Дуэль в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» / В кн.: Уроки по Лермонтову. - М.: 2007. - С. 74-81.
4. Востриков А.В. Тема дуэли у Бестужева Марлинского, Пушкина, Лермонтова / Русская литература, 1993, №3. - С. 66-72.
5. Гроссман Л.А. Исторический фон повести «Выстрел» А.С. Пушкина / Новый мир, 1979. - № 5. - С. 208-223.
6. Короленко В.Г. Русская дуэль в последние годы (1897) / ПСС. т. IV. - С. 260-265.
7. Лотман Ю.М. О дуэли Пушкина без «тайн» и «загадок». - М., 1985.
8. Киреев Л.А. Письма о поединках, - Спб.: 1899,- Драгомиров П. Дуэли. - Киев, 1900. - Махов М. Дуэли, их происхождение и современный характер. - СПб.: 1902 и др.
9. Миронов В.С. «Стрелялись мы...»: дуэль в жизни русских писателей. - СПб., 1994.
10. Орнатская Т.Н. «Дуэль» А.П. Чехова в русской критике / А.П. Чехов. Полное собрание сочинений в 18 томах. - М.: 1983. - Т.7. - С. 692-707.
11. Радзишевский В. Лермонтов ли Лермонтов? (о кн.: В.А. Захаров. Лермонтов. Загадка последней дуэли. - М.: 2000) // Лит. газета, 15.03.2000.
12. Утехин И. Тема дуэли в русской литературе / Дуэль. Повести русских писателей. - М.: Правда, 1990. - С. 3-15.
13. Шишкин А.Б. Дуэли М.Ю. Лермонтова. /Лермонтовская энциклопедия. - М.: СЭ, 1981. - С. 149-150.
14. Шейман Л.А., Сооронкулов Г.У. Дуэль (роман И.С. Тургенева «Отцы и дети») / Русская литература. 10 кл. - Бишкек. 2006. - С. 143-144.
15. Шубинский В. Дуэль как жанр / Новое литературное обозрение, 2008, №91. - С. 401-405.
16. Щеголев П. Дуэль и смерть Пушкина. - М.: Книга, 1987.

Рецензент: к.пед.н., доцент Тешебаев А.К.